

DOI 10.35775/PSI.2025.125.1.032

УДК 32.327

АЛЬ-АХМАР ЗАГЕР МОХАММАД ХАЛЕД

аспирант Института права и национальной безопасности,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Москва
E-mail: zaheralahmar@yandex.com

ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКО-СИРИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена анализу развития и современного состояния российско-сирийских отношений в контексте трансформации политической ситуации на Ближнем Востоке и изменений во внутривластном устройстве Сирии. Особое внимание уделяется эволюции двустороннего взаимодействия на различных исторических этапах и влиянию смены власти в Сирийской Арабской Республике на характер сотрудничества с Российской Федерацией. Цель исследования заключается в выявлении ключевых этапов развития российско-сирийских отношений, а также в анализе их текущего состояния с учетом новых политических реалий и изменения баланса сил внутри Сирии и в регионе в целом. В работе были использованы системно-аналитический и историко-политический подходы, методы логического обобщения, комплексного системного анализа и контент-анализа. Результаты исследования показывают, что российско-сирийские отношения на протяжении длительного времени отличались устойчивостью и стратегической направленностью, особенно в военной и политической сферах. Вместе с тем современный этап характеризуется качественными изменениями, связанными с трансформацией сирийской политической системы, что требует от России адаптации ее внешнеполитических инструментов и пересмотра прежних форм взаимодействия. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что российско-сирийские отношения формировались как долгосрочное и многоуровневое партнерство, в основе которого лежали общие подходы к вопросам региональной безопасности и стремление к укреплению политических позиций на Ближнем Востоке. В то же время современный этап развития Сирии, связанный с изменением власти после падения режима Башара Асада, существенно меняет условия двустороннего взаимодействия.

В целом можно считать, что дальнейшее развитие российско-сирийских отношений будет определяться сочетанием исторически сложившегося потенциала сотрудничества и актуальных геополитических вызовов. Эффективное выстраивание взаимодействия с обновленной политической системой Сирии способно не только сохранить, но и трансформировать роль России как значимого участника ближневосточных процессов, что придает исследуемой проблематике устойчивую научную и практическую значимость.

Ключевые слова: Россия, Сирия, российско-сирийские отношения, Ближний Восток, сирийский конфликт, смена власти, Башар Асад, Хайят Тахрир аш-Шам.

Введение. Ближний Восток представляет собой один из наиболее противоречивых регионов современной системы международных отношений. С одной стороны, он характеризуется высокой политической и социально-экономической нестабильностью, с другой, – обладает значительным влиянием на мировую экономику за счет концентрации топливно-энергетических ресурсов. Региональная напряженность усиливается наличием затяжного арабо-израильского конфликта, а также противостоянием суннитских и шиитских политических сил, прежде всего в Иране и Ираке. Существенное влияние на общую ситуацию оказал сирийский конфликт, превративший Сирию в один из ключевых узлов международного взаимодействия и соперничества ведущих мировых акторов – ООН, США, ЕС и Российской Федерации. Развитие событий в Сирии напрямую отражается на уровне безопасности и стабильности не только на Ближнем Востоке, но и за его пределами.

Ближневосточный регион традиционно является пространством соперничества за политическое и стратегическое влияние между ведущими геополитическими игроками. Для Российской Федерации, занимающей заметное место в современной системе международных отношений, данный регион имеет особое значение. Это связано с возможностями реализации национальных интересов, укрепления внешнеполитических позиций и поддержания статуса значимого участника региональных процессов.

На протяжении длительного времени Сирийская Арабская Республика рассматривалась как ключевой партнер России на Ближнем Востоке. В период нахождения у власти Башара Асада двусторонние отношения отличались высокой степенью институционализации и охватывали политическую, экономическую, военную и культурную сферы. В результате многолетнего сотрудничества была сформирована устойчивая инфраструктура российско-сирийского взаимодействия и накоплен значительный практический опыт координации действий.

Современный этап развития Сирии, связанный со сменой политической власти и трансформацией внутреннего и внешнего курса государства, вносит качественно новые условия в характер российско-сирийских отношений. В изменившейся политической конфигурации Россия сталкивается с необходимостью пересмотра прежних форм взаимодействия и выстраивания сотрудничества с учетом новых акторов и баланса сил внутри страны. Внутренний потенциал Сирии, ее геополитическое положение, а также актуальные международные тенденции и приоритеты внешней политики Российской Федерации позволяют считать проблематику российско-сирийских отношений особенно значимой и требующей комплексного анализа в рамках ближневосточного направления внешней политики России.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 11; 13; 14; 16; 25; 27; 28; 29].

Однако проблему развития российско-сирийских отношений в рамках ближневосточного направления внешней политики России нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Цель исследования – проанализировать генезис российско-сирийских отношений.

Методология исследования. Системно-аналитический метод позволил осуществить теоретическое обобщение научных подходов, концепций и выводов отечественных и зарубежных исследователей, посвященных геополитической роли Ближнего Востока. Применение методов логического обобщения обеспечило последовательный анализ специфики вооруженных конфликтов в Сирии. Кроме того, в ходе исследования использовались методы комплексного системного анализа, контент-анализа и синтеза при обработке эмпирического материала, что позволило провести всесторонний и обоснованный анализ проблематики российско-сирийского взаимодействия.

Основная часть. Сирия занимает значимое место во внешней политике Российской Федерации, в то время как Россия для Сирии традиционно выступает стратегическим партнером, прежде всего в политической и военной сферах. Региональные конфликты на Ближнем Востоке, а также интересы ведущих мировых держав оказывали и продолжают оказывать существенное влияние на внешнеполитический курс Сирии, включая ее позицию по арабо-израильскому конфликту, вопросам Ливана и Палестины, что во многом определило характер ее международных связей.

Приобретение Российской Федерацией статуса правопреемницы СССР на международной арене и, как следствие, закрепление за ней роли координатора ближневосточного мирного процесса обусловило повышение требований к характеру и интенсивности взаимодействия России со странами Ближнего Востока, при этом соответствие данной роли должно подтверждаться активной и результативной внешнеполитической деятельностью.

К середине 1990-х годов российско-сирийские отношения по-прежнему находились в состоянии глубокой заморозки, при этом нерешенность вопроса сирийского долга продолжала негативно сказываться на двустороннем взаимодействии. Урегулирование данной проблемы рассматривалось как необходимое условие для последующего восстановления экономического сотрудничества, прежде всего в энергетической сфере и сфере тяжелой промышленности.

С приходом к власти Башара Асада Сирия активизировала усилия по выстраиванию устойчивого и эффективного сотрудничества с Россией, рассматривая ее как ключевого партнера в экономической и военно-технической сферах. Обострение региональной обстановки после войны в Ираке и сложности ближневосточного мирного процесса усилили заинтересованность сирийского

руководства в расширении российского присутствия на Ближнем Востоке, включая рынок вооружений.

Итоги двустороннего взаимодействия свидетельствуют о том, что сотрудничество России и Сирии не направлено против третьих сторон и не предполагает противодействия интересам ведущих мировых держав. Напротив, обе страны ориентированы на взаимодействие с ключевыми международными игроками в целях формирования условий для стабильных и сбалансированных международных отношений, приоритетом которых остаются обеспечение безопасности и защита собственных экономических интересов.

Таким образом, можно утверждать, что именно конструктивный политический диалог между Россией и Сирией в 2000-е годы заложил основу для последующего расширения и углубления двустороннего сотрудничества. В этот период стороны выстроили устойчивое взаимодействие в топливно-энергетической сфере, военно-техническом сотрудничестве, транспорте, строительстве и туризме, а также в области науки и культуры, включая научные обмены и деятельность Российского центра науки и культуры в Дамаске. Существенным шагом стало введение с 2008 года безвизового режима для владельцев дипломатических и служебных паспортов.

В 2010 году по итогам переговоров было сделано совместное заявление о вступлении российско-сирийских отношений в этап активного международного взаимодействия. В рамках встречи были также подписаны соглашения в сферах информационных технологий, туризма, воздушного сообщения, научно-технического развития, экологии и охраны окружающей среды, что подтвердило комплексный характер двустороннего сотрудничества [9. С. 100].

С 2010-х годов вектор внешней политики России был скорректирован, что было обусловлено ростом конфликтности и нестабильности Ближневосточного региона и необходимостью сосредоточить усилия на формировании системы региональной безопасности, в том числе в Сирии. В ходе развития сирийского кризиса, начавшегося в 2011 году как серия внутривнутриполитических протестов и попыток смены власти, ситуация достаточно быстро перешла в фазу вооруженного противостояния. Ослабление государственных институтов и затяжной характер конфликта создали условия для активизации радикальных исламистских группировок, прежде всего «Исламского государства» (ИГИЛ), которое использовало вакуум власти для расширения своего влияния на территории Сирии.

Быстрое усиление радикальной исламистской группировки «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ) и захват ею значительных территорий Сирии рассматривались как основание для начала военной интервенции США и их союзников. Вооруженная активность данных государств в Сирии была преимущественно сосредоточена на нанесении авиационных ударов по позициям ИГ. С 2015 года аналогичную военную операцию на территории Сирии осуществляла и Российская Федерация [10. С. 189].

С начала гражданской войны в Сирии Россия заняла позицию, отличную от подходов большинства западных государств. Москва настаивала на поиске политического урегулирования конфликта и исходила из признания правительства Башара Асада единственной легитимной государственной власти. Россия выступала против внешнего вмешательства, считая, что ситуация в Сирии не представляла прямой угрозы международной безопасности, и подчеркивала готовность поддержать резолюции ООН лишь при условии их ориентации исключительно на мирное решение без санкционного давления [8. С. 176].

Одновременно российская сторона предпринимала попытки вовлечения оппозиционных сил в переговорный процесс. После отказа от принятия резолюции Совета Безопасности Россия совместно с Китаем обратилась к сирийскому руководству с призывом к проведению реформ и учету воли населения. В конце 2011 года Россия предложила согласованный с Китаем проект резолюции, предусматривавший осуждение насилия со стороны всех участников конфликта, включая правительственные силы, однако данный документ принят не был.

В 2012 году Россия продолжала придерживаться сдержанной линии в сирийском вопросе, сочетая поддержку действующего правительства с призывами к Башару Асаду к мирному урегулированию конфликта. Одновременно МИД России признавал, что игнорирование сирийским руководством прежних предупреждений способствовало эскалации конфликта, а Москва обвиняла США в применении двойных стандартов, указывая на поддержку оппозиции при одновременной критике российской помощи Дамаску [31].

В 2013 году президент Российской Федерации отметил, что позиция Башара Асада сыграла роль в развитии кризиса, и призвал США отказаться от односторонних военных действий в пользу многостороннего переговорного формата. Важное место в российско-сирийских отношениях занимали мирные инициативы России, направленные на политическое урегулирование, включая попытки организации диалога между правительством и оппозицией в 2012–2014 годах, которые не привели к результату [7].

14 ноября 2015 года было подписано российско-американское Венское соглашение и разработана «дорожная карта» урегулирования сирийского кризиса, которая впоследствии была закреплена в резолюции Совета Безопасности ООН № 2254 от 18 декабря 2015 года. При этом отказ Вашингтона координировать действия с Москвой привел к нарушению режима прекращения огня в феврале и сентябре 2016 года. Тем не менее, дипломатические инициативы России создали основу для дальнейшего политического диалога между режимом, оппозицией и независимыми группами [32].

В 2016 году Россия в рамках Международной группы поддержки Сирии инициировала соглашение о прекращении огня, а также участвовала в разработке многоэтапного плана урегулирования совместно с США. В то же время в западной экспертной среде усиление роли России в сирийском кризисе рассматривалось как инструмент внешнеполитического давления, укрепления внутривнутриполитических позиций и выхода из международной изоляции,

что обусловило продолжение критики и попытки ослабления международного имиджа Российской Федерации.

В феврале 2017 года состоялся четвертый раунд Женевских переговоров (Женева IV), сосредоточенный на четырех направлениях: подотчетное управление, конституционные изменения, проведение выборов и борьба с терроризмом. В том же месяце прошла Женева V, на которой стороны согласовали ведение переговоров на основе резолюции СБ ООН № 2254, предусматривающей политический переход через подотчетное управление, новую конституцию и выборы под наблюдением ООН в течение 18 месяцев [15]. Последующие раунды Женевы (VI-VIII) не дали результатов, так как правительство Асада отказалось участвовать из-за условий оппозиции относительно его роли в переходный период [22. С. 109].

Тем не менее, Астанинский процесс оказался не просто технической встречей для обсуждения режима прекращения огня. Он завершился трехсторонней декларацией, в которой оппозиция согласилась на создание механизма наблюдения за перемирием под гарантией России, Ирана и Турции. Восьмой раунд переговоров в Астане 21-22 декабря 2017 года прошел после того, как стороны конфликта не смогли согласовать мирное решение войны. Страны-гаранты подчеркнули необходимость сохранения суверенитета Сирии и отметили прогресс в реализации зон деэскалации.

Диалог в Астане оказался более результативным, чем Женевский процесс. Были разработаны ключевые направления мирного урегулирования [33]:

1. Сохранение мира, стабильности, суверенитета, единства и территориальной целостности Сирии.
2. Совместная борьба с ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусрой» и другими экстремистскими группировками.
3. Укрепление режима прекращения огня и эффективное функционирование зон деэскалации.
4. Повышение доверия между сторонами конфликта.
5. Активизация инклюзивного внутрисирийского диалога на основе резолюции СБ ООН № 2254 и Конгресса сирийского национального диалога с участием всех слоев населения.

Переговоры в Астане способствовали прекращению боевых действий, созданию зон деэскалации и восстановлению нормальной жизни в Сирии. Расширение диалога между странами привело к формированию двусторонних и многосторонних механизмов контроля за выполнением договоренностей и ситуацией в зоне конфликта.

Отдельно следует отметить то, что Исламское государство (ИГ/ИГИЛ) сыграло ключевую роль в сирийском конфликте, войдя в него в 2013 году и за год установив контроль почти над половиной территории страны. В июне 2014 года ИГИЛ объявило своей целью ликвидацию исторических границ Османского халифата и создание суннитского исламского государства на территории Леванта и Ирака,

с долгосрочной перспективой – распространение влияния на весь исламский мир.

По словам Е. Степановой, с середины 2010-х годов ИГИЛ напрямую угрожал безопасности России через транснационализацию радикальных исламистов, в том числе из Северного Кавказа, которые приобретали боевой, террористический и идеологический опыт в Сирии и Ираке. Давление международных коалиций, включая Россию и США, привело к утрате ИГИЛ контроля над городами, снижению его привлекательности для боевиков и активизации миграции террористов, что увеличило риск их возвращения в Россию и другие страны [30. С. 14].

В «Стратегии национальной безопасности РФ» (2021) подчеркивается, что эскалация напряженности в зонах конфликтов на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве создает условия для распространения терроризма и экстремизма. Конфликт в Сирии с участием ИГИЛ сделал регион у границ России небезопасным. В ответ на просьбу сирийского руководства и учитывая недостаточную эффективность международной коалиции, Россия приняла решение о военной поддержке Сирии для предотвращения возвращения террористов на территорию РФ и стран СНГ [26].

Конфликт в Сирии с участием оппозиции, войск правительства и неконтролируемых исламских террористических групп создавал угрозу безопасности для соседних регионов, включая Россию. РФ оказала военную поддержку Сирии, чтобы предотвратить возвращение террористов в Россию и страны СНГ, учитывая неэффективность действий международной коалиции во главе с США. Российские ВКС позволили сирийской армии остановить продвижение экстремистов, провести наступательные операции в Хаме, Идлибе и Алеппо, уничтожить лагеря боевиков и к 2017 году практически разгромить «Исламское государство», восстановив контроль правительства над большей частью страны [5. С. 141].

После частичного вывода войск 15 марта 2016 г. в Сирии оставалось около 2000 российских военных, включая контингенты авиабазы Хмеймим, ПМТО Тартус, батальон морской пехоты и силы спецопераций. Российские БЛА продолжали разведку и контроль за соблюдением перемирия, а авиация поддерживала сирийские войска.

В 2017-2018 гг. на большей части Сирии боевые действия прекратились, что позволило перевести российско-сирийское сотрудничество из военно-технической сферы в экономическую и сосредоточиться на восстановлении страны. В 2017 г. сирийское правительство утвердило стратегию «Rebuild Syria» для решения послевоенных задач, восстановления социально-экономической жизни, преодоления изоляции и привлечения инвестиций из России, Ирана и Китая [12].

Россия выбрала два подхода к сотрудничеству: углубление торгово-экономического, военного и дипломатического партнерства, что создает условия для долгосрочного присутствия российского бизнеса, и передачу крупных проектов по восстановлению частным компаниям, например АО «Стройтрансгаз». Экономические реформы рассматриваются как «национальная цель», требующая

мобилизации сирийских и международных ресурсов и нейтральной внешнеполитической среды [6].

Российско-сирийские деловые отношения строились через межправительственный диалог (G2G), модели «бизнес для государства» (B2G) и «бизнес для бизнеса» (B2B). В 2017-2018 гг. восстановление инфраструктуры в нефтегазовой, энергетической и транспортной сферах в основном обеспечивали оборонные ведомства, но постепенно подключались частные предприятия. «Стройтрансгаз Инжиниринг» восстановил Северный газоперерабатывающий завод и газовую инфраструктуру, а холдинг «Российские железные дороги» участвовал в ремонте путей, поставках подвижного состава и планировании новой линии от Дамаска до границ с Иорданией для соединения Европы с Персидским заливом [20].

Помимо экономики, Россия и Сирия развивали гуманитарное и научно-техническое сотрудничество. Например, Центр спасательной археологии РАН участвовал в восстановлении Триумфальной арки в Пальмире, а совместные проекты ведутся с научными организациями Сирии по линии Никитского ботанического сада и Физического института РАН в области медицины и биологии [17].

Однако масштабы экономического сотрудничества были ограничены внутренними и внешними факторами. Де-факто Сирия оставалась разделенной на три зоны контроля: территории, подконтрольные Дамаску при поддержке Ирана; северные районы, находившиеся под контролем Турции и размещенных там вооруженных оппозиционных и радикальных исламистских формирований; а также курдский автономный район «Рожава» на северо-востоке страны, опиравшийся на поддержку арабских племен Заевфратья и ограниченного контингента вооруженных сил США. Существенное укрепление позиций Ирана и его влияние на сирийское правительство являлись важным фактором, определявшим отношение других государств региона к процессу урегулирования сирийского конфликта-[19. С. 18].

1 мая 2023 года по итогам переговоров министров иностранных дел Сирии, Саудовской Аравии, Египта, Иордании и Ирака была заявлена необходимость прекращения сирийского кризиса и вывода с территории страны всех незаконно находящихся там иностранных сил, что фактически касалось и турецкого военного присутствия. При этом реальные переговоры о завершении турецких операций и возвращении контролируемых территорий находились в сфере посредничества России. Ограничение нефтяных и сельскохозяйственных ресурсов; санкции Запада, ограничивающие доступ к международной финансовой системе и затруднению платежей; бюрократия и коррупция – все это прямо влияло на восстановление Сирии, не смотря на поддержку со стороны Москвы.

С началом Специальной военной операции 24 февраля 2022 году в мировом и ближневосточном пространстве не без содействия США и иных стран, стала распространяться риторика о том, что влияние России в Сирии и регионе в целом будет снижена. Были высказаны предположения, что Москва не сможет участвовать в сирийском урегулировании из-за роста напряженности с НАТО

и концентрации военных ресурсов на украинском направлении. Однако на практике участие России в сирийском мирном процессе сохранялось в числе внешнеполитических приоритетов. Сокращение военного присутствия компенсировалось активизацией дипломатических усилий, направленных на стабилизацию ситуации и вовлечение региональных акторов в диалог с Дамаском.

Россия сосредоточилась на расширении круга участников сирийского урегулирования, добиваясь прекращения огня и прямых переговоров с Дамаском. При ее посредничестве активизировались контакты сирийского руководства с ключевыми государствами Ближнего Востока, при этом усилия Москвы по нормализации отношений Сирии с арабскими странами совпали с изменением позиции монархий Персидского залива, перешедших от жесткой оппозиции Асаду к более прагматичному подходу [19. С. 19].

При участии России обсуждались возвращение Сирии в региональные международные организации и восстановление дипломатических связей с государствами, ранее поддерживавшими оппозицию. Рост региональной напряженности, в том числе из-за активности Израиля, усилил заинтересованность ближневосточных стран в стабилизации и принятии посредничества Москвы. Для России сирийское урегулирование имело стратегическое значение, позволяя сохранять влияние в регионе, расширять круг партнеров и частично компенсировать внешнеполитическую изоляцию [19. С. 19].

В период с 2022 по 2024 гг. режим Башара Асада сохранял контроль над основными городами и административными центрами, но реальная власть оставалась фрагментированной между различными вооруженными группировками и региональными акторами. Сложившуюся обстановку усугубляло и длительное военное давление со стороны оппозиции и вооруженных формирований. В итоге, целый комплекс внутренних и внешних проблем привели к тому, что повстанческие силы смогли организовать успешное наступление на правительственные позиции [4. С. 271]. В декабре 2024 г. сирийские оппозиционные и исламистские формирования, такие как Хайят Тахрир аш-Шам, захватили столицу Дамаск и добились падения режима Башара Асада, завершив более двух десятилетий его правления. Асад сложил полномочия и покинул страну, а его сторонники оказались в изгнании или потеряли влияние. Можно констатировать, что накопленные за десятилетия структурные проблемы ранее сдерживались жесткой моделью управления и внешней поддержкой, что лишь отсрочило системный кризис, не преодоленный за счет реформ.

На данный момент Сирия представляет собой фрагментированную, но частично управляемую систему. Формально власть сосредоточена в Дамаске под руководством Ахмеда аш-Шараа, однако ее практическая дееспособность оставалась ограниченной. Управление опиралось на сочетание официальных институтов и неформальных механизмов влияния: через полевых командиров, структуры, связанные с Турцией, а также катарские финансово-консультативные сети, действующие через НПО и бизнес-проекты [21. С. 219].

Силовая опора режима была разнородной и децентрализованной, включая бывшие формирования ХТШ, племенные ополчения и интегрированные радикальные группы, сохранявшие значительную автономию. Параллельно продолжали действовать остаточные ячейки ИГИЛ, такфиристские и криминальные структуры, способные дестабилизировать ситуацию [23]. В целом Сирия находится в состоянии хрупкого социально-политического равновесия и будущее ее остается крайне неопределенным.

Таким образом, Россия столкнулась с новой неопределенностью: победа оппозиционных и частично террористических сил сделала прямое вмешательство в конфликт непрактичным, учитывая отказ сирийской армии и ограниченную готовность Ирана к масштабным операциям. Основной задачей Москвы стало сохранение своих баз Тартуса и Хмеймима и обеспечение безопасности дипломатических объектов. Одновременно сохранялись контакты с различными сирийскими группировками, включая ХТШ, что открывало возможность выступать посредником в урегулировании конфликта, используя опыт Астанинского формата [21. С. 221].

Однако, вопреки пессимистическим прогнозам, российско-сирийский диалог сохранился: новое сирийское правительство подтвердило, что ни один значимый договор между странами не был разорван. Россия продолжала военное присутствие в Хмеймиме и Тартусе, возобновила патрулирование южных провинций и расширила инфраструктуру на северо-востоке. В октябре 2025 года состоялась первая личная встреча лидеров двух стран, где президент переходного периода Ахмед аш-Шараа отметил «спокойные отношения» с Москвой и намерение продолжать диалог по безопасности.

Однако динамика отношений между Россией и Сирией все же поменялась. Дамаск выдвигает требование, что Москва равный партнер, а не покровитель. Также и Москва сознательно избегает персонализированной поддержки представителей прежнего режима, стремясь избавиться от репутации «покровителя Асада». Основное внимание теперь сосредоточено на создании новых точек доверия через экономическую помощь, медийные проекты, образовательные и гуманитарные инициативы. Эти меры формируют новый формат российско-сирийских отношений: «ограниченное прагматическое партнерство», при котором Москва сохраняет минимально необходимое влияние, а Сирия может использовать российские ресурсы как фактор внешнеполитического баланса без зависимости от России [24].

На практике, укрепление отношений потребует обновления договорно-правовой базы для легитимности присутствия России, расширения общественной дипломатии для молодежи, академических и культурных аудиторий, а также включения России в региональные инициативы по восстановлению Сирии совместно со странами Залива и международными гуманитарными организациями. Эффективность российской политики теперь определяется не числом военных баз, а способностью приносить конкретную пользу – технологическую, образовательную и социальную, что становится ключевым фактором влияния [24].

В целом, сирийская внешняя политика стала многоуровневой, балансируя между безопасностью (Россия, Турция), экономикой (Катар, страны Залива), легитимностью (США, ЕС) и гуманитарными связями (ООН, региональные структуры). Турция постепенно стала главным экономическим партнером, создавая индустриальные зоны и логистические хабы на севере страны, а Россия сместила акцент на гуманитарное сотрудничество, сохраняя минимально необходимое влияние на новое сирийское правительство.

Заключение. Российско-сирийские отношения, как правило, носили дружественный и стратегический характер. Несмотря на то, что в 90-е годы имело место быть определенной «заморозке» партнерства между странами, в дальнейшем их отношения формировались как долгосрочное, многоплановое сотрудничество, основанное на согласованных подходах к региональной безопасности и стремлении укрепить позиции на Ближнем Востоке. В период вооруженного конфликта в Сирии Россия одна из немногих, кто поддержал правительство Башара Асада. В борьбе с терроризмом была предоставлена и военная помощь: участие ВКС позволило сдерживать продвижения «Исламского государства», и сохранить контроль государства над ключевыми территориями.

После завершения наиболее активной фазы конфликта российская помощь сместилась на политико-дипломатическую, экономическую и гуманитарную поддержку, что позволило частично стабилизировать обстановку и создать условия для взаимодействия с обновленной сирийской властью.

Современный этап, связанный с приходом к власти новых сил в Сирии, существенно изменил условия двустороннего взаимодействия, требуя адаптации российской политики к обновленной внутренней структуре государства. Дальнейшее развитие отношений будет зависеть от умения реагировать на актуальные региональные и геополитические вызовы. В этих условиях эффективное выстраивание диалога с новой политической системой может не только поддерживать, но и трансформировать роль России в ближневосточных процессах заметно усилив ее позиции в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Альджарадат Аттаф М.А., Яшкова Т.А. К вопросу о внутренних политических процессах в современной Палестине // Вопросы политологии. 2025. № 7.
2. **Ансари Рамзи Исмаил Махмуд.** Роль арабских монархий Персидского залива в палестино-израильском урегулировании: от арабской мирной инициативы до Авраамовых соглашений (2000-2020 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 12.
3. Арсланов Р.Р. Оценка потенциала участия России в разрешении арабо-израильского конфликта в качестве посредника // Вопросы политологии. 2025. № 8.

4. **Ахмедов В.М.** Российско-сирийские отношения в условиях международной нестабильности на Ближнем Востоке / Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2024.
5. **Бубнова Н.** Охлаждение в российско-западных отношениях. Назад в будущее? // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 4 (43).
6. Восстановлению Сирии добавят рисков. США могут принять меры против российских компаний за участие в нем // «Коммерсантъ» № 191 от 18.10.2018 // <https://www.kommersant.ru/doc/3773048>.
7. **Гусев С.** Башар Асад назвал Сирийский кризис иностранным заговором // РБК daily. Ежедневная деловая газета. 27 августа. 2012.
8. **Евстратова Ю.А.** Советско-сирийские отношения и формирование ближневосточной региональной среды // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1.
9. **Звягельская И.Д.** Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке – невыносимая хрупкость бытия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (2).
10. **Котляров И.И.** Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: (основные теоретические проблемы и практика): монография. М.: Юрлитинформ, 2013.
11. Ларионова К.А. Перспективы расширения влияния России на ближневосточном направлении в энергетическом секторе // Вопросы политологии. 2025. № 9.
12. **Матвеев И.А.** Российско-Сирийское деловое сотрудничество: вызовы и перспективы // Проект «Вызовы переходного периода в Сирии». 2019 // <https://dam.gcsp.ch/files/misc/russian-syrian-business-cooperation-RU>.
13. **Мисбахова Ч.А., Аль Зидейн А.А.О.** Иордания и кризис беженцев: между гуманитарной солидарностью и давлением реальности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 12.
14. **Нечирван Джасим Джоджи, Саид Кхудейда Ало.** Особенности развития политического диалога Российской Федерации и Республики Ирак (2011-2023 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 11.
15. Основной итог переговоров по Сирии: Женева-6 будет, в остальном без перемен // РИА Новости. 2017 // <https://ria.ru/20170331/1491246869.html>.
16. Плотников В.С., Дубровина О.В. Энергетическая политика Объединенных Арабских Эмиратов: факторы ее определяющие, принципы и модель // Вопросы политологии. 2025. № 6.
17. Россия и Сирия: укрепление сотрудничества двух стран в области науки и образования. 2022 // <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/59648/>.
18. **Рустамова Л.Р.** Эволюция сирийского мирного процесса и позиции «ключевых» государств по поводу «возвращения» Сирии в Арабскую семью // Право и управление. XXI век. 2023. № 19 (3).

19. **Семенова Д.А.** Дипломатия России в многосторонних механизмах урегулирования сирийского кризиса в 2011-2024 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2025.
20. Сирия привлечет Россию к строительству железной дороги в Ирак // РБК. 2018 // <https://www.rbc.ru/politics/02/10/2018/5bb3b71d9a79477c00ecdefe>.
21. **Степанова Е.А.** Между войной и миром: мирные процессы и вооруженное насилие. Москва: ИМЭМО РАН, 2023.
22. **Степанова Е.А.** Фактор ИГИЛ и движение Талибан в политике России по Афганистану и в более широком регионе // Пути к миру и безопасности. 2024. № 2 (67).
23. **Сухов Н.** Сирийский конфликт // Российский совет по международным делам. 2025 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriyskiy-konflikt/>.
24. **Сухов Н.** Как складываются отношения России с новыми сирийскими властями // Профиль. 2025 // <https://profile.ru/abroad/kak-skladyvayutsya-otnosheniya-rossii-s-novymi-sirijskimi-vlastyami-1784261/>.
25. **Тафик Дияр Факхер.** Роль международных организаций в укреплении управленческих структур в условиях нестабильности: кейсы стран Ближнего Востока // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 1.
26. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/53b2270d516421753410f7d0e0b6a81becfd28da/.
27. Халид Гамдан Хаммод Мокбел. Проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке в контексте деятельности правительства хуситов в Йемене // Вопросы политологии. 2025. № 11.
28. **Эльмештави З.А.** Религиозный фактор в российской внешней политике в отношении Ближнего Востока (Часть II) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 12.
29. **Эльмештави З.А.** Внешняя политика России на Ближнем Востоке при президенте Владимире Путине: цели и средства их достижения // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 11.
30. **Юсеф Д.А. Нассара.** Двусторонние отношения с арабскими странами как фактор геополитических изменений на Ближнем Востоке // Этносоциум. 2017. № 4 (106).
31. **Sharp J.M., Blanchard C.M.** Blanchard. Unrest in Syria and U.S. Sanctions Against the Asad Regime. CRS Report for Congress, Washington, DC: Congressional Research Service. 2012.
32. Syria crisis plan: Cessation of hostilities, humanitarian airdrops, peace talks laid out in Munich' // Rt.com, 2016 // <https://www.rt.com/news/332211-munich-lavrov-kerry-un-syria/>.

33. **Talukdar I., Onas O.** The Astana Process and the Future of Peaceful Settlement of the Syrian Crisis: A Status Note // Indian Council of World Affairs. 2018 // https://www.icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=4930&lid=1744.

AL-AHMAR ZAHER MOHAMMAD KHALED

Postgraduate Student, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

GENESIS AND CURRENT STATE OF RUSSIAN-SYRIAN RELATIONS

The article analyzes the development and current state of Russian-Syrian relations in the context of the transformation of the political situation in the Middle East and changes in the internal political structure of Syria. Special attention is paid to the evolution of bilateral cooperation at various historical stages and the impact of the change of power in the Syrian Arab Republic on the nature of cooperation with the Russian Federation. The purpose of the study is to identify key stages in the development of Russian-Syrian relations, as well as to analyze their current state, taking into account new political realities and the changing balance of power within Syria and in the region as a whole. The work used system-analytical and historical-political approaches, methods of logical generalization, complex system analysis and content analysis. The results of the study show that Russian-Syrian relations have long been characterized by stability and strategic orientation, especially in the military and political spheres. At the same time, the current stage is characterized by qualitative changes related to the transformation of the Syrian political system, which requires Russia to adapt its foreign policy instruments and revise previous forms of interaction. The analysis allows us to conclude that Russian-Syrian relations were formed as a long-term and multi-level partnership based on common approaches to regional security issues and the desire to strengthen political positions in the Middle East. At the same time, the current stage of Syria's development, associated with the change of power after the fall of Bashar al-Assad's regime, significantly changes the conditions of bilateral cooperation.

In general, it can be assumed that the further development of Russian-Syrian relations will be determined by a combination of historically developed potential for cooperation and current geopolitical challenges. Effective cooperation with the renewed Syrian political system can not only preserve, but also transform Russia's role as a significant participant in the Middle East processes, which gives the issue under study sustained scientific and practical significance.

Key words: Russia, Syria, Russian-Syrian relations, the Middle East, the Syrian conflict, change of power, Bashar al-Assad, Hayat Tahrir al-Sham.